

Мадьянский Ф.И.

19/7/90 - 90

Знамя юности, - Минск, - 1990, - 10 июля

Ретроспектива

ОБРАТИМСЯ, например, к трехтомнику «Федор Иванович Шаляпин», вышедшему в издательстве «Искусство» еще в 1979 году. Лично меня необычайно поразила здесь небольшой рассказ В. Солоухина «Три хризантемы». Писатель поведал, как искал он в Париже кладбище, на котором похоронен Федор Иванович. В. Солоухин явно рассчитывал на трагикомический эффект от описания своего бега трусцой с тремя хризантемами в руках: кладбище закрывалось для посетителей, и надо было за пятнадцать минут добежать до могилы артиста, поспевая за гидом. Трагикомедия, однако заключалась, по-моему, в другом. Еще десять лет назад русский интеллигент не знал, где похоронен Федор Шаляпин. И методично объезжая скорбные места под Парижем, он, наконец, попал на Батиньоль. Не знал русский интеллигент и того, почему именно здесь, а не на престижном русском кладбище Сент-Женевьев де Буа лежит прах великого русского артиста. Но ведь старшая дочь Шаляпина, Ирина Федоровна, до 1978 года была жива и находилась безвыездно в Москве. Неужто и этого нам не дано было знать? Ее не выпустили 12 апреля 1938 года на похороны отца в Париж. Вернее, доехав до восточной нашей границы, она вынуждена была вернуться по заранее задуманному сценарию — из-за неполадок в заграничном паспорте. Об этом рассказала на шаляпинских чтениях народная артистка СССР Ирина Константиновна Архипова. И еще о том, как встретила в начале 70-х, гастролируя во Франции, с Сергеем Лифарем, прояснившим, почему Батиньоль, кладбище французских военных, а не Сент-Женевьев де Буа стало последним пристанищем певца. Все оказалось просто: Шаляпин не был подданным Франции. Русский человек без паспорта. И после его смерти семья обратилась к хорошему знакомому, высокому военному чину, с просьбой «пристроить» русскую душу на кладбище военных.

Так любим ли мы Федора Ивановича Шаляпина?

...КТО БЫ из счастливых свидетелей его триумфальной сценической карьеры ни писал о нем, будь то В. Стасов, Э. Старк или Ирина Федоровна, одно непременно: впечатления от Шаляпина-артиста очень скоро в их мемуарах перерастают в описание потрясений от его артистического гения. Истоки дара артиста, его душа, овеянная российскими ветрами, впитавшая до предела тот космос, что зовется русским национальным самосознанием, затмевались его сценической жизнью. Этот дисбаланс в

воздействии. Оттого, может и непонятно, что в нем было заложено предчувствие.

К сожалению, мы только совсем недавно узнали правду о той подоплеке событий, приведших к «срыванию» с Шаляпина звания народного артиста республики (слово-призыв Маяковского: «С барина белого сорвите, наркомпросцы, народного артиста красный венчик!») Только в прошлом году смогли прочитывать в полном объеме книгу «Маска и душа», появление которой в 1932 году

белогвардейской организации. И ничто, даже публичный отчет митрополита об использовании этих денег, уже не смогло унять плохо сконструированный, но долго шедший спектакль. Ни один штрих, связанный с судьбой артиста, нельзя назвать несущественным. И это тоже свидетельство неоспоримого факта: Шаляпин был не просто великим певцом. Он всегда являл собой выразителя русского духа, национального характера, но именно в жизни таких немногих людей не было частностей, все вырастало до

до последнего в «изменника» родила, которого пос

женная публика дверей театра до пролетки или автобиля. Артиста, который метался после спектакля по театру в поисках выхода, не заблокированного публикой.

МНОГО горького можно вспомнить в его судьбе, и все же, минуя эти перипетии, хочется добраться до своей главной мысли: что же сейчас, сегодня? Вернулся ли Федор Иванович Шаляпин, его

своей идее статьи, с разочарованием сказал: что нового? И музей открыли, и прах перевезли. Да, музей-квартиру на Садовом открыли, наконец-то. Но многим ли известно, что в адрес Министерства культуры РСФСР и музыкального общества Глинки приходили письма с требованием не делать этого, не возмещать образ «белоземлянина». Искривленный образ артиста упорно живет в сознании многих и поныне.

В 1984 году исполнилась, наконец, предсмертная воля Федора Ивановича. Его прах был перевезен на родную землю в Москву, на Новодевичье кладбище. И вот совсем недавно стою у могилы Шаляпина. По аллее движется экскурсионная группа. Останавливается. Экскурсовод уставшим голосом гидов всего мира барабанит: «В 84 году произошло перезахоронение праха Шаляпина. На нем присутствовала его дочь Лидия. Вы видите прекрасный памятник из белого мрамора скульптора Елецкого, сделанный к этой дате». И все в ее словах не точно. Не Лидия Федоровна приезжала тогда в Москву, а Федор, Марфа, Марина и Татьяна. И скульптурный портрет артиста Елецкий выполнил не «к этой дате», а за пятнадцать лет до этого. Почему такая небрежность?

...Больше всего в жизни Федор Иванович Шаляпин не мог терпеть формальное, казенное отношение к делу, которым занимается человек. Б. Асафьев вспоминает: «Здороваясь. Подает (Шаляпин. — авт.) мне руку, я чувствую, что рука мелкой дрожью дрожит. Смотрю — лицо трепетное, голос, словно спотыкающийся». «Федор Иванович, вы так волнуетесь?» — «Эх, а то как же: ну что если на каплю сорвусь, чуть не дотяну, ведь с меня же за «Шаляпина» взыщут в сто раз, а тысячу раз больше: пропал, скажут, голос, кончился Шаляпин, выдохся, спился...» — и пошел почти согнувшись».

...Так любим ли мы Федора Ивановича Шаляпина, как он нас любил?

Татьяна ГЛИНКА.

ЛЮБИМ ЛИ МЫ ШАЛЯПИНА?

Вопрос этот не из легких и возник он не без оснований

вспоминаниях его дореволюционных современников понятен и оправдан. Кто бы из них хотя бы на миг мог предположить, что когда-нибудь в России (а случилось это очень скоро) талант вообще, и Шаляпина, в частности, будет обесценен новоявленной грубой силой, именуемой «политической» или «идеологической целесообразностью». Трагедия нации настигла русского человека и за пределами его Родины. Его предавали все: друзья и хорошие знакомые — Д. Бедный, В. Маяковский, М. Горький, «друг незабвенный», не говоря уже о незнакомом М. Кольцове, авторе дешевых бульварных фельетонов в адрес «обуржуазившегося артиста». Читая блистательную статью В. Стасова «Радость безмерная», его слова: «Великое счастье на нас с неба упало. Новый великий талант народился!», невольно ловишь себя на почти мистической мысли, а что как его, Шаляпина, прозрения в характерах тиранов и злодеев — Годунова, Грозного, Сальери — это своеобразное предсказание новой грядущей трагедии народа, костями которого была вымощена дорога в «светлое будущее»? Ведь своим богоданным талантом он так умел проникать в природу человеческих характеров, что даже искусственным зрителям (к примеру В. Стасову и Б. Асафьеву), было непонятно его гипнотическое

во Франции (называлась она тогда «Душа и маска»), возбудила гнев его лучшего друга М. Горького. Настоящий художник всегда говорит правду. Сказал в ней правду о большевистской России и Федор Шаляпин, что искренне, а может не очень, вызвало резкую оценку ее пролетарским писателем.

Не вернувшись на родину, от чего страдал безмерно, Шаляпин, можно с уверенностью сказать, сохранил для себя свой талант, наконец, свой голос, сделал многочисленные грамзаписи, открытые которых нас еще только ждет. Да и что толкнуло Горького на то письмо от 17 февраля 1933 года (отправлено ли оно было Шаляпину, не выяснено) по поводу «Души и маски»? Не та ли же пресловутая политическая целесообразность, которая явно прослеживается в последние годы жизни писателя после возвращения его из Италии на Родину, в частности, в его посещении Соловецких лагерей, участие в сборнике очерков советских писателей, ставшем гимном Беломоро-Балтийскому каналу?

ВСПОМНИМ о том, что травля Шаляпина началась с «мелочи» — пяти тысяч франков, которые он передал в Париже русскому митрополиту Евлогию, жившему там, в помощь детям русских эмигрантов, но у нас артисту вменили в вину денежную поддержку враждебной

понятий, соизмеримых не менее чем с образом самого народа, идеи верности ему.

Вот далеко не полный перечень дел Шаляпина для своего народа: несчетное количество благотворительных концертов — в помощь голодающим Поволжья, солдатам первой мировой войны: строительство и содержание на его средства школы для крестьянских детей в деревне Александровка Ниже-Новгородского уезда (существовала до 1953 года, по свидетельству Ирины Федоровны); постановка оперы «Дон Карлос» в Большом театре, сбор от премьеры которой (142600 рублей) пошел в помощь людям, пострадавшим от первой мировой войны; стипендия его имени и на его средства в Московском университете; организация и содержание на его деньги во время первой мировой войны двух госпиталей (один в Москве, во флигеле его дома на Новинском бульваре, другой — в Петербурге); спасение мальчика Володи Дианова, мать которого бросилась под поезд, его обучение, воспитание. Список можно было бы продолжать, но он и так красноречив.

Русский актер обладал поистине безграничным состраданием и любовью к своему народу. Но их перечеркнула, «не заметила» новая власть. Шаляпина упорно, с кровью отрывали от народа вплоть

дело, творчество, его незамутненный образ к России, русским людям, к его стране? Вопрос не досужий. В последнее время мы много говорим, что русскому человеку нужно вернуть его историю, культуру, достоинство, наконец. То, как умел делать одним фактом своего существования Федор Иванович Шаляпин, свидетельствует вот это письмо к Ирине Федоровне Шаляпиной. Учащийся ленинградского ремесленного училища В. Моторный: «Никогда не забуду тот вечер, когда впервые по радио услышал Федора Шаляпина. Ах, какие это были вечера! Ребята вместе со мной восторгались артистом, а на практике, когда не было мастера, просили спеть что-нибудь, что пел он. И я пел им «Элегию», «Персидскую песню», арии Галицкого и Мефистофеля. Спасибо Федору Ивановичу, что он своим гением смог разбудить спящие души моих ребят».

Таких примеров не счесть. Но кто может сейчас представить ситуацию, когда не то что в цехе — в компании друзей — пелись оперные арии, да еще шаляпинского репертуара. Его просто-напросто негде услышать. Хотя... В театральном музее имени Бахрушина с осени прошлого года проводится уникальный цикл встреч с голосом артиста. Вы знаете об этом? Я тоже не знала. До по-